

Фишман Л.Г. Антивакцинаторские настроения в России: уникальное мракобесие или выдающаяся постправда? DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_62 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 62–72.

УДК 32:316.776

DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_62

Антивакцинаторские настроения в России: уникальное мракобесие или выдающаяся постправда?

Леонид Гершевич Фишман

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: lfishman@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.02.2022, поступила после рецензирования 20.04.2022, принята к публикации 25.04.2022

В статье предпринята попытка выявить причины выдающихся масштабов антивакцинаторства и ковид-диссидентства в России. Доказывается, что данный феномен не может быть адекватно осмыслен как всплеск мракобесия. Гораздо более резонно вести речь о ситуации глобального распространения сугубо современного феномена постправды. Автор описывает сложившуюся ситуацию постправды, которая характеризуется релятивизацией экспертного знания в общественном сознании, уравниванием его авторитетности с альтернативными источниками. В результате происходит относительное повышение статуса ранее маргинализированных источников альтернативно-экспертного знания. Подобная радикальная «демократизация» научного (экспертного) знания ведет к тому, что, опираясь на мнение нравящихся ему экспертов, каждый формирует свою позицию, избегая при этом упрека в маргинальности. Россия уникальна тем, что здесь еще до пандемии, в течение 2000-х гг., сложилась общая установка «у каждого своя правда» и выбор правды зависит от групповых предпочтений и текущих потребностей. Множественность и де-факто равнозначная легитимность противоречащих друг другу моральных оценок, правовых стандартов, идеологических суждений и т.д. стали нормой российской общественной жизни. Россия зашла по пути постправды дальше прочих, поскольку встала на него раньше. В статье показано, что пребывание в ситуации постправды по разным причинам комфортно и для власти, и для российского общества. Таким образом, ко времени пандемии способность значительной части россиян вырабатывать единую позицию в вопросах, касающихся общих интересов и целей, оказалась слишком ослабленной, чтобы противостоять бурному расцвету антивакцинаторства и ковид-диссидентства.

© Фишман Л.Г., 2022

Ключевые слова: мракобесие, постправда, антивакцинаторство, ковид-диссидентство, COVID-19

Благодарности: Статья подготовлена в рамках работы по гранту РФФИ № 20-04-60337 «Оптимизация социально-экономических принципов регуляции современных обществ в контексте последствий коронавирусной пандемии».

Anti-Vaccination Sentiments in Russia: Unique Obscurantism or Outstanding Post-Truth?

Leonid G. Fishman

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

E-mail: lfishman@yandex.ru

Received 14.02.2022, revised 20.04.2022, accepted 25.04.2022

Abstract. The article attempts to identify the reasons for the acceptance of anti-vaccination and covid-dissidence by the outstanding proportions of people in Russia. The author argues that this phenomenon cannot be adequately interpreted as an outburst of obscurantism. It is more reasonable to consider the situation in the light of the global spread of a purely modern post-truth phenomenon. Current post-truth situation is described. It is characterized by the relativization of expert knowledge in the public mind, equalizing its authority with the authority of alternative sources of judgment on certain issues. As a result, there is a relative rise in the status of previously marginalized sources of alternative expert knowledge. Due to radical “democratization” of scientific (expert) knowledge, everyone chooses her/his position by relying on the opinion of the appealing experts, while avoiding the reproach of marginality. The uniqueness of Russia lies in the fact that even before the pandemic, in the 2000s, a general mindset was formed in a way that “everyone has their own truth”, which depends on group preferences and current needs. The plurality and de facto equivalent legitimacy of conflicting moral assessments, legal standards, ideological judgments, etc. became the norm of Russian public life. Russia has moved on the path of post-truth further than others, since it embarked on it earlier. The author shows that being in a post-truth situation is comfortable for various reasons for both authorities and society. Thus, by the time of the pandemic, the ability of a significant part of Russian society to develop a unified position on issues related to common interests and goals was too weakened in order to withstand the rapid flourishing of anti-vaccination and covid dissidence.

Keywords: obscurantism; post-truth; anti-vaccination; covid-dissidence; COVID-19

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the RFBR grant No. 20-04-60337 “Optimization of socio-economic principles of regulation of modern societies in the context of the consequences of the coronavirus pandemic”.

For citation: Fishman L.G. Anti-Vaccination Sentiments in Russia: Unique Obscurantism or Outstanding Post-Truth? *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 62-72. DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_62 (in Russ.).

В России антивакцинаторство и ковид-диссидентство приобрели огромный, возможно, уникальный размах. Это стало одной из причин того, что к началу лета 2021 г. к вакцинации приступили лишь 14 млн россиян, из них примерно 10 млн сделали обе прививки. К тому времени в среднем по Евросоюзу первую прививку от COVID-19 сделали уже 33% населения, а в Израиле данный показатель перевалил за 60%¹. Даже летом, в разгар третьей волны пандемии, в России положительно относились к прививкам от COVID-19 только 30,4% населения, страна оказалась почти в самом низу списка государств, отражавшего процент позитивно относящегося к вакцинации населения, опередив ряд стран третьего мира (таких как Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуар, Демократическая Республика Конго и др.), а также относительно скептически настроенные по отношению к вакцинации США (64,6% населения). Среди причин критического отношения к вакцинации в России на первом месте стоит вера в теории заговора – 21,4% опрошенных (см.: Solís Arce et al. 2021).

Связано ли столь массовое антивакцинаторство с тем, что население России неожиданно оказалось чрезвычайно дремучим? Действительно, часто приходится слышать «антивакцинаторство – современное мракобесие» и подобные этому утверждения, встречать на различных сайтах заголовки вроде «Дремучесть заволокла мозги десяткам миллионов россиян»: взгляд на вакцинацию и мракобесие антипрививочников², «Это геноцид, фашизм и эвтаназия»: как антипрививочники стали ядром сомнительного политического движения³. С ними резонируют высказывания академических ученых, которые уверенно описывают современный феномен в архаических терминах: «мифологический комплекс “чипирование – вакцинирование”», «эсхатологический дискурс модальности страха», «мифотеологический комплекс», «триггер эсхатологической мифологии» и т.д. (см.: Прилуцкий 2021: 115). При этом следует отметить, что фактически мракобесием называют широкий спектр воззрений и реакций – от веры в мировой заговор и чипирование до вполне здоровых сомнений в возможности в короткие сроки создать эффективную и безвредную вакцину.

Но не является ли данный подход упрощением, которое не объясняет, а скорее затемняет суть дела? Сторонникам взгляда на ковид-диссидентство как на мракобесие стоило бы задуматься над тем, что как раз в относительно отсталых странах обнаруживается очень высокая готовность вакцинироваться – около 80%. В то же время по разным причинам в России и США, странах со значительно более высоким уровнем образованности населения, желающих вакцинироваться ощутило меньше (см.: Solís Arce et al. 2021). Если мы имеем

¹ Ромашков А. Почему россияне, в отличие от европейцев, не спешат вакцинироваться? 21.05.2021. URL: <https://www.bfm.ru/news/472555> (дата обращения: 14.04.2022).

² Колесников В. «Дремучесть заволокла мозги десяткам миллионов россиян»: взгляд на вакцинацию и мракобесие антипрививочников, 06.05.2021. URL: <https://v1.ru/text/health/2021/05/06/69902594/> (дата обращения: 14.04.2022).

³ Горбунова Е. «Это геноцид, фашизм и эвтаназия»: как антипрививочники стали ядром сомнительного политического движения, 21.06.2021. URL: <https://www.fontanka.ru/2021/06/21/69982430/> (дата обращения: 14.04.2022).

дело с мракобесием, то совершенно особого вида, в значительной степени возникающим как «горе от ума». Гораздо более резонно вести речь о ситуации глобального распространения сугубо современного феномена постправды, значение которого подняла и обострила пандемия COVID-19. Тем более что распространение шумихи, преувеличений, лжи и сплетен, связываемых с понятием постправды, нередко вирусным (см.: Peters et al. 2022).

Феномен постправды обычно характеризуют, отталкиваясь от противопоставления истинного экспертного знания разного рода неистинному мнению.

Во-первых, к нему относят разного рода *сознательно* ложную информацию (disinformation), фейковые новости, используемые для достижения определенных (как правило, политических) целей. Коронавирус называют отцом всех фейков, число которых настолько велико, что официальные опровержения бессильны минимизировать их эффект (см.: Языкова 2020).

Во-вторых, постправдой называют *бессознательное*, не инспирированное специально некими корыстными агентами влияния преобладание подкрепленных эмоционально, но не рационально мнений, не совпадающих с экспертным знанием (misinformation).

Однако феномен постправды не сводится ни к первому, ни ко второму, да и не может сводиться, когда наблюдается «раздвоение экспертного сознания в отношении пандемии, что, по-видимому, характерно и для общества в целом» (Юревич и др. 2020). По мнению Т. Шелтона, «постправдивое» общество следует рассматривать как логическое следствие «общества, основанного на данных», в котором мы жили в последние годы, где индивидуализированные, деконтекстуализированные сборки данных «служат в качестве фокуса социальной и политической жизни». Когда эти деконтекстуализированные данные выводятся на первый план, мы теряем метаповествование, которое связывает эти данные в понятное целое. В отсутствие такого последовательного повествования о том, что происходит, каждая из этих якобы объективныхборок данных приводит нас к месту, где надуманные рассказы уверенных в своей правоте троллей если и не вытесняют истину полностью, то противодействуют ей (см.: Shelton 2020: 3-4). По словам С. Фуллера, постправда являет собой порождение наиболее позднего этапа секуляризации, «на котором наука сама становится мишенью, а не агентом секуляризации» (Фуллер 2021: 202). «Постистинные кампании», которые привели к Брекзиту и победе Трампа в 2017 г. на президентских выборах в США, следует рассматривать как «болезни роста постепенно созревающего демократического интеллекта, с которым экспертам со временем придется свыкнуться» (Фуллер 2021: 334-335). Постправду не следует редуцировать к «гносеологическим абстракциям» истины и лжи; более правомерно для понимания сути этого феномена обращаться «ко всему многообразию культурных ресурсов» (Попова 2018: 21). Люди, высокомерно относящиеся к мракобесным антивакцинаторам и прочим ковид-диссидентам, критикующие их за эмоциональность, склонность, будучи одурманенными пропагандой, отрицать факты ради веры (см.: Augustine 2021), игнорируют то, что так называемые мракобесы часто в неменьшей степени склонны к критическому

мышлению, чем выступающие с позиций симбиоза истины и власти эксперты. Эффективность пропаганды ковид-диссидентов во многом основана на апелляции к научному знанию, разоблачении непоследовательности, а нередко и недостоверности заявлений властей и экспертов, их откровенно манипулятивных приемов и т.д.¹

Таким образом, феномен постправды характеризуется релятивизацией экспертного знания в общественном сознании, уравниванием его авторитетности с альтернативными источниками. В результате происходит относительное повышение статуса ранее маргинализированных источников альтернативно-экспертного знания. Идеально-типическая ситуация полного торжества постправды заключается в столь радикальной «демократизации» научного (экспертного) знания, при которой каждый, опираясь на мнение нравящихся ему экспертов, формирует свою позицию, избегая при этом упрека в маргинальности. Мы можем предположить, что постправда отчасти служит заменителем отсутствующей авторитетной критической теории современного общества, подобной марксизму и социалистическим теориям. Постправда наследует от этих теорий пафос неприятия ангажированности связанного с господствующими классами экспертного знания, противопоставляя ему альтернативное и также зачастую политически ангажированное знание. Косвенным свидетельством в пользу этого предположения служит наличие корреляции между антивакцинаторскими настроениями и политическими субкультурами, являющимися или ощущающими себя маргинальными, ущемленными и испытывающими по этой причине особенно большую степень недоверия к правительству и вообще ко всему официальному. Не случайно антивакцинаторы нередко связаны с весьма специфическими политическими субкультурами, формирующимися не только по идеологическому и классовому, но и по расовому признаку (Prasad 2021: 18–20). В США антивакцинаторы в основном являются представителями правой субкультуры, в России это в значительной мере левые (коммунисты, несистемные социалисты, марксисты, анархисты и пр.)

Идеальной почвой для постправды служит ситуация пандемии. Почему так происходит? До сих пор практики постправды касались отдельных групп, стигматизированных как достойные лишь насмешек сторонники неких теорий заговора. Теперь они имеют отношение ко всему обществу, так как всех затрагивает сложившаяся констелляция властного принуждения, легитимирующих его экспертных заключений и вдохновляемого альтернативными экспертами сопротивления тому и другому. Иными словами, и раньше существовали сообщества конспирологов, антипрививочников, сторонников теории плоской Земли, альтернативной медицины и прочих теорий со своими специфическими субкультурами. Однако им не удавалось навязать свою точку зрения обществу или повысить ее статус до равноправного с экспертными суждениями. Теперь ситуация изменилась. Фе-

¹ Ковид-пандемия: взгляд ковидоскептика. URL: <https://stoppanika.ru/blog/196-kovid-pandemija-vzgljad-kovidoskeptika.html><https://stoppanika.ru/blog/196-kovid-pandemija-vzgljad-kovidoskeptika.html> (дата обращения: 14.04.2022).

номен постправды расцвел в обстоятельствах, когда определенная проблематика затронула большую часть людей по непосредственно касающимся их вопросам в ситуации ранее невиданных возможностей межличностной и массовой коммуникации. Перефразируя известное высказывание Линкольна: «Можно обманывать часть народа все время и весь народ некоторое время, но нельзя обманывать весь народ все время», скажем, что в обычной ситуации могут длительно существовать маргинальные группы со своими сомнительными истинами либо значительная часть общества может кратковременно придерживаться спорных взглядов, но невозможно постоянное пребывание всего общества в модусе постправды. В ситуации пандемии COVID-19 привычный симбиоз власти и экспертного знания неоднократно давал сбой. Это привело к изменению соотношения степени влиятельности экспертного и альтернативного ему знания, что, в свою очередь, повлекло за собой дальнейшую «демократизацию» знания и формирование еще одной компоненты «новой нормальности» – своего рода состояния постправды (по аналогии с состоянием постмодерна).

Возвратимся к исходному вопросу: почему Россия по части ковид-диссидентства и антивакцинаторства зашла ощутимо дальше многих стран, сопоставимых по уровню образованности и культуры? Обстоят ли дела с постправдой у нас принципиально иным образом и если да, то проявляется ли это в большей или в меньшей распространенности и влиятельности этого феномена? Официальная позиция часто сводится к тому, что постправда – нечто заносимое к нам извне, враждебное, нацеленное на подрыв идентичности и т.д., в то время как Россия борется против западной постправды, защищаясь от нее¹. Это верно только отчасти.

Если рассматривать веру широких масс в картину реальности, созданную пропагандой, как ситуацию торжества постправды, то, по утверждению Г. Почепцова, страной постправды был уже СССР, ибо «в СССР правда нужна была в естественных науках... Все остальные могли обойтись пропагандой, которая и признает себя единственно возможной правдой, хотя мы понимаем, что на самом деле это была пост-правда, объявлявшая всех других лжецами» (Почепцов 2018).

И все же есть основания считать, что подобное утверждение является преувеличением. Постправда предполагает не однозначное господство сколь угодно искаженной картины реальности (сперва покажите абсолютно неискаженную картину!), формируемой по заказу власти или экспертами, являющимися частью власти, а сосуществование относительно обесценившихся позиций официальных экспертов и относительно поднявшихся в цене мнений, продуцируемых альтернативными источниками экспертного знания. Поэтому периодом становления ситуации постправды в России следует считать не советскую эпоху и даже не 1990-е (которые были ареной столкновения яростно противоборствовавших полярных точек зрения), а 2000-е.

¹ Мизулина Е. Девятый вал: новая волна фейков захлестывает Рунет. О недостоверной информации в интернете. URL: https://www.gazeta.ru/column/ekaterina_mizulina/13713860.shtml (дата обращения: 14.04.2022).

В это время приобрело статус чуть ли не официальной установки прагматическое отношение к истине в вопросах истории, согласно которому историческая истина важна лишь в той степени, в которой она отвечает потребностям пропаганды, национальным интересам, способствует процветанию России, формированию «правильного исторического сознания» и пр. (Мединский 2011:43). Эпоха Путина в идейном плане по мере своего развертывания являла собой картину всевозможных компромиссов, обмана и самообмана, которые позволяли все большей части населения в идеологическом и мировоззренческом отношении существовать в параллельных мирах, в каждом из которых имелись свои глобальные и не очень глобальные истины. Прежде всего, это были миры разных российских историй. В одних из этих миров Россия вернулась на магистральный путь цивилизации, в других – провалила великую миссию, в третьих – утратила изрядную долю своей культурной идентичности и оказалась на грани окончательного исчезновения. В одних мирах распад СССР был величайшей геополитической трагедией, в других – крушением ложной идеи. Современная же Россия разными группами населения воспринималась как наследница и преемница «исторической России» и СССР (с их разными, но вместе с тем общими «национальными интересами») либо как страна победившей жажды наживы, нравственного и культурного вырождения, торжествующего мещанства и т.д. Для одних Россия была последним оплотом европейских ценностей и культуры в ее лучших проявлениях, для других – образчиком азиатской дикости, лицемерно выдаваемой за традиционные ценности, а также страной со все более авторитарным правлением при широких бытовых свободах. Многие могли уверить себя, что если не завтра, так послезавтра Россия придет к желанному для них будущему – монархическому, социалистическому, либерально-демократическому. А те, кто не мог увериться в этом, находили отдушину в неимоверном количестве издававшейся литературы об альтернативной истории и иных мирах в жанре попаданческой фантастики или ЛитРПГ. В течение последних десятилетий стали обыденностью релятивистские установки, касающиеся вопросов истории (например, Второй мировой войны, тоталитарных режимов), международной политики, культуры. Сформировалась общая установка «у каждого своя правда», и выбор правды зависел от групповых предпочтений и текущих потребностей. Множественность и де-факто «равноспасительная» легитимность противоречащих друг другу моральных оценок, правовых стандартов, идеологических суждений и т.д. стали нормой российской общественной жизни. И это не говоря уже о том, что и в далеких от политики сферах любой невзыскательный да и пытливый ум мог найти комфортную для себя картину мира и увлечения по вкусу: от альтернативных официальным научным теорий до эзотерики. Словом, пребывание в ситуации постправды было очень удобным, психологически комфортным не только для власти, но и для очень значительной части общества.

Отдельным фактором, обусловившим формирование ситуации постправды, являлась высокая степень недоверия к большей части официальных институтов и их инициативам. Например, наблюдалось едва ли не единодушие в осуждении ЕГЭ; всеобщее недовольство пенсионной реформой,

проведенной вопреки неоднократным заверениям первого лица государства в том, что ее не произойдет; ходом оптимизацией здравоохранения; притчей во языцех стала практика единокороссов не выполнять своих обещаний после выборов и т.д.

Ряд произошедших в последние годы изменений во внешней и внутренней политике, а также реакция на них власти и общества еще более усугубили описанные выше тенденции. Появились весомые основания говорить о России как о стране торжествующей постправды, в которой, к примеру, мнение президента по различным аспектам присоединения Крыма меняется по нескольку раз (см.: Дунаева 2020: 51-52), да и в целом в СМИ постправда целенаправленно генерируется на разных уровнях, что создает в глазах общества «квазикартину событий» (Балаян, Вишневский 2017: 104).

Словом, ко времени пандемии COVID-19 способность значительной части российского общества вырабатывать единую позицию в вопросах, касающихся общих интересов и целей, оказалась слишком ослабленной, чтобы противостоять бурному расцвету антивакцинаторства и ковид-диссидентства. Если борьба с ложными, по мнению экспертов, мнениями и заблуждениями требует своего рода прививок, то их эффективность напрямую зависит от степени авторитетности тех, кто пытается их сделать (Compton et al. 2021). В отечественном контексте это означает, что использование в качестве источника экспертного знания правительственных организаций, ангажированных медиков и т.д. имеет ограниченную, сомнительную эффективность ввиду того, что эти инстанции и лица сами в прошлом были замечены в насаждении картины некоей альтернативной реальности, в которой причудливо сочетаются откровенная ложь, дезинформация, пропаганда, искренняя вера в свою версию чего бы то ни было в противовес враждебной западной и т.д. (см.: Zafesova 2020).

Помимо сформировавшихся в доковидный период «системных» причин, во время пандемии у россиян появились новые причины для недоверия власти и близким ей структурам. Власть не взяла на себя ответственности за введение полного локдауна. Половинчатые и потому неэффективные карантинные меры, особенно масочно-перчаточный режим, подорвали авторитет официальных экспертов, на основании рекомендаций которых они якобы были приняты. Ряд широко растиражированных экспертных заключений представителей научно-медицинского сообщества относительно различных сторон пандемии COVID-19 в итоге не получил своего подтверждения (Щелкунов 2020:194). Не способствовали укреплению авторитета властных структур и неясности со статистикой заболеваемости и смертности, а также противоречивые заявления и действия официальных лиц, смена их позиций на диаметрально противоположные¹, что неоднократно

¹ Панькова К. Попова призвала носить маски привитых и переболевших COVID. URL: <https://vz.ru/news/2021/3/17/1089989.html> (дата обращения: 14.04.2022); Медведева К. Попова заявила, что привитые не распространяют коронавирус. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/07/09/n_16222634.shtml (дата обращения: 14.04.2021).

отмечалось самыми различными авторами¹ и стало одной из излюбленных тем фольклора². Следует заметить, что власть по вполне объективным причинам допускала и отчасти даже приветствовала плюрализм постправды, поскольку он помогал сохранять стабильность. Так, когда появились вакцины от COVID-19, власть, вследствие их нехватки, была вынуждена избегать педалирования темы обязательной вакцинации, делая упор на принцип добровольности. В связи с этим стоит обратить внимание на высказывание пресс-секретаря президента РФ Д.С. Пескова, согласно которому летом 2021 г. темпы вакцинации увеличились вследствие роста сознательности граждан³. Это позволяет заключить, что до определенных пор власти были выгодны антивакцинаторские и ковид-диссидентские настроения: низкая сознательность граждан снижала спрос на вакцины, который все равно в случае резкого роста гражданской сознательности не мог быть удовлетворен.

Исходя из сказанного, мы можем заключить, что Россия зашла по пути постправды дальше других стран, поскольку и встала на него раньше. Почва нашего отечества оказалась очень щедро удобрена для бурного формирования ситуации постправды, поэтому действия российских властей являлись продолжением привычной политики генерации постправды. И, похоже, пребывание в ситуации постправды по разным причинам настолько комфортно и для власти, и для общества, что уже понесенные и возможные потери в виде жертв пандемии имеют второстепенное значение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Балаян А.А., Вишневыский Б.Л. 2017. Контроль государства за СМИ в современной России: причины, механизм и последствия распространения «постправды» // Политическая экспертиза : ПОЛИТЭК. Т. 13, № 4. С. 100-109.

Дунаева Ю.Г. 2020. Твиттосфера как проблема: постправда в информационном обществе // Постматериальные ценности и общество знаний : сб. науч. тр. / гл. ред. К.В. Султанов, отв. ред. И.Б. Романенко, Ю.В. Пую. Санкт-Петербург : Изд-во Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. С. 48-54.

Мединский В.Р. 2011. Проблемы объективности в освещении российской истории второй половины XV–XVII вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Москва. 46 с.

Попова О.В. (ред.) 2018. «Политика постправды» и популизм / В.А. Ачкасов, Н.А. Баранов, Д.А. Будко и др. ; под ред. О.В. Поповой. Санкт-Петербург : Скифия-принт. 216 с.

Почепцов Г. 2018. В СССР пост-правда пришла раньше всех. URL: <https://psyfactor.org/psyops/prpaganda94.htm> (дата обращения: 14.04.2022).

¹ Десницкий А. Второй компонент вакцины – диалог. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/desnitsky/13681544.shtml> (дата обращения: 14.04.2022); Себряный И. РЖД не будет отстранять непривитых. Кто следующий? URL: <https://www.km.ru/v-rossii/2021/06/26/oao-rossiiskie-zheleznye-dorogi/888951-rzhd-ne-budet-otstranyat-neprivitykh-cto->

² Практически по Жванецкому: «глубинный народ» прокомментировал ковидные ограничения, 23.06.2021. URL: <https://newizv.ru/news/society/23-06-2021/prakticheski-po-zhvanetskomu-glubinnyu-narod-prokommentiroval-kovidnye-ogranicheniya> (дата обращения: 14.04.2022).

³ Корданут К. Песков заявил, что кампания по всеобщей вакцинации в России существенно активизировалась. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/07/23/p_16285484.shtml?updated (дата обращения: 14.04.2022).

Прилуцкий А.М. 2021. «Вакцинирование» vs «чипирование»: триггеры эсхатологической мифологии в условиях противоэпидемических мероприятий // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Т. 21, № 3. С. 108-118. DOI 10.37482/2687-1505-V107

Фуллер С. 2021. Постправда: Знание как борьба за власть. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 368 с. (Полит. теория).

Щелкунов М.Д. 2020. Общество в условиях пандемии: репетиция цифрового будущего // Вестник экономики, права и социологии. № 2. С. 192-196.

Юревич А.В. и др. 2020. COVID-19: Результаты третьего экспертного опроса, Финансовый университет при Правительстве РФ, ООО «Решающий голос», 10.12.2020 / А.В. Юревич, Д.В. Ушаков, М.А. Юревич. URL: <https://ipran.ru/%D0%B0-%D0%B2-%D1%8E%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87-%D0%BC-%D0%B0-%D1%8E%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87-covid-19-%D1%80%D0%B5%D0%B7%D1%83%D0%BB-%D1%8C%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8B-%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80/> (дата обращения: 14.04.2022).

Языкова В. 2020. «Пост-правда» в ковидном мире: позиция церкви и католической общественности Италии // Современная Европа. № 7. С. 177-187. DOI 10.15211/soveurope72020195205

Augustine R. 2021. The quarantined truth in infodemic era: a discourse on misinformation, disinformation & post truth descriptions during COVID-19 pandemic // International journal of research culture society. Special iss. 21, Jan. P. 1-9.

Compton J. et al. 2021. Inoculation theory in the post-truth era: Extant findings and new frontiers for contested science, misinformation, and conspiracy theories / J. Compton, S. van der Linden, J. Cook, M. Basol // Social and Personality Psychology Compass. e12602(3): 12602. DOI 10.1111/spc3.12602

Peters M.A. et al. 2022. A viral theory of post-truth. Educational Philosophy and Theory / M.A. Peters, P. McLaren, P. Jandrić // Educational Philosophy and Theory. Vol. 54, iss. 6. P. 698-706. DOI 10.1080/00131857.2020.1750090

Prasad A. 2021. Anti-science Misinformation and Conspiracies: COVID-19, Post-truth, and Science & Technology Studies (STS) // Science, Technology & Society. P. 1-25. DOI 10.1177/09717218211003413

Shelton T. 2020. A post-truth pandemic? // Big Data & Society. Vol. 7, iss. 2, July-December. P. 1-6. DOI 10.1177/2053951720965612

Solis Arce J.S. et al. 2021. COVID-19 vaccine acceptance and hesitancy in low- and middle-income countries / J.S. Solis Arce, S.S. Warren, N.F. Meriggi, A. Scacco et al. // Nature Medicine. Vol. 27, iss. 8. P. 1-10. DOI 10.1038/s41591-021-01454-y

Zafesova A. 2020. The production of a faked reality as an existential function of Putin's regime // Democracy and Fake News: Information Manipulation and Post-Truth Politics / Ed. by S. Giusti, E. Piras. London : Routledge. P. 107-119.

References

Augustine R. The quarantined truth in infodemic era: a discourse on misinformation, disinformation & post truth descriptions during COVID-19 pandemic, *International journal of research culture society*, 2021. Special iss. 21, Jan., pp. 1-9.

Balayan A.A., Vishnevskiy B.L. Control of the State on the Media in Modern Russia: Causes, Mechanism and Consequences of the Distribution of “Posttruth”, *Political expertise: POLITEX*, 2017, vol. 13, no. 4, pp. 100-109. (in Russ.).

Compton J., van der Linden S., Cook J., Basol M. Inoculation theory in the post-truth era: Extant findings and new frontiers for contested science, misinformation, and conspiracy theories, *Social and Personality Psychology Compass*, 2021, e12602(3): 12602. DOI 10.1111/spc3.12602

Dunaeva Yu.G. The twittosphere as a problem: post-truth in the information society, K.V. Sultanov, I.B. Romanenko, Yu.V. Puyu (eds.) *Postmaterial'nye tsennosti i obshchestvo znaniy*, St.-Petersburg, Izdatel'stvo Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena, 2020, pp. 48-54. (in Russ.).

Fuller St. *Post-Truth: Knowledge as a Power Game*, Moscow, Izdatel'skiy dom Vyshey shkoly ekonomiki, 2021, 368 p. (in Russ.).

Medinskiy V.R. *Problems of objectivity in the coverage of Russian history of the second half of the XV–XVII centuries: abstr. of diss.*, Moscow, 2011, 46 p. (in Russ.).

Peters M.A., McLaren P., Jandrić P. A viral theory of post-truth. , *Educational Philosophy and Theory*, 2022, vol. 54, iss. 6, pp. 698-706. DOI 10.1080/00131857.2020.1750090

Pocheptsov G. *Post-truth came to the USSR before anyone else*, 2018, available at: <https://psyfactor.org/psyops/propaganda94.htm> (accessed April 14, 2022). (in Russ.).

Popova O.V. (ed.), Achkasov V.A., Baranov N.A., Budko D.A. et al. *“Post-truth politics” and populism*, St.-Petersburg, Skifiya-print, 2018, 216 p. (in Russ.).

Prasad A. Anti-science Misinformation and Conspiracies: COVID-19, Post-truth, and Science & Technology Studies (STS), *Science, Technology & Society*, 2021, pp. 1-25. DOI 10.1177/09717218211003413

Prilutskiy A.M. Vaccination vs Microchipping: Triggers of Eschatological Mythology in the Context of Anti-Epidemic Measures, *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”*, vol. 21, no. 3, pp. 108-118. DOI 10.37482/2687-1505-V107. (in Russ.).

Schelkunov M.D. Society in the Context of a Pandemic: Testing the Digital Future, *The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2020, no. 2, pp. 192-196. (in Russ.).

Shelton T. A post-truth pandemic? *Big Data & Society*, 2020, vol. 7, iss. 2, July-December, pp. 1-6. DOI 10.1177/2053951720965612

Solís Arce J.S., Warren S.S., Meriggi N.F., Scacco A. et al. COVID-19 vaccine acceptance and hesitancy in low- and middle-income countries, *Nature Medicine*, 2021, vol. 27, iss. 8, pp. 1-10. DOI 10.1038/s41591-021-01454-y

Yazykova V. “Post-Truth” in the Covid World: Position of the Church and the Catholic Community in Italy, *Contemporary Europe*, 2020, no. 7, pp. 177-187. DOI 10.15211/soveurope72020195205. (in Russ.).

Yurevich A.V., Ushakov D.V., Yurevich M.A. *COVID-19: Results of the third expert survey, Financial University under the Government of the Russian Federation, Decisive Voice*, 10.12.2020, available at: <https://ipran.ru/%D0%B0-%D0%B2-%D1%8E%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87-%D0%BC-%D0%B0-%D1%8E%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87-covid-19-%D1%80%D0%B5%D0%B7%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8B-%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80/> (accessed April 14, 2022). (in Russ.).

Zafesova A. The production of a faked reality as an existential function of Putin's regime, *S. Giusti, E. Piras (eds.) Democracy and Fake News: Information Manipulation and Post-Truth Politics*, London, Routledge, 2020, pp. 107-119.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонид Гершевич Фишман

доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5062-8291>;
ResearcherID: K-2346-2018;
SPIN-код: 8725-9656;
E-mail: lfishman@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leonid G. Fishman

Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher by Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5062-8291>;
ResearcherID: K-2346-2018;
SPIN-код: 8725-9656;
E-mail: lfishman@yandex.ru